

«Там написано, что все исправлено, Люси! Мы можем вернуться!» Мэтт образно прыгал.

«Это здорово, Мэтт!» Люси улыбнулась. Но в тот момент, когда Мэтт увидел улыбку Люси, он понял, что что-то не так.

— Ты... ты по какой-то причине не хочешь войти? — спросил Мэтт, усаживаясь.

"Нет нет!" Люси протестующе подняла руки. "Это не так. Мы можем войти. Думаю, это просто... меня сбивает с толку."

"В каком смысле? Я думал, тебе это понравится. Тебе всегда скучно».

«Я имею в виду, да, мне действительно нечего делать, кроме как смотреть на вещи и говорить. Я даже не чувствую запаха. Так что, конечно, мне было бы скучно. А иногда мы, знаете, проходим подземелья. Это уже работает, и мы можем сделать это просто так».

"Хорошо обязательно. Но это не просто темница, Люси. Мы увидим, какими были эти люди. Что они делали. Мы можем выяснить, что с ними случилось».

Люси положила руку на постамент и задумалась.

«Послушай, Мэтт, не то чтобы я этого не понимал. Когда эта штука впервые появилась, я был полностью согласен. Но это... я не знаю. Было бы неплохо знать. Но мы не можем вернуть обратно тот мир, который увидим там, Мэтт. Ты видел этот мир сколько минут? И вы только что потратили МЕСЯЦЫ, работая над тем, чтобы добраться туда, где вы сможете увидеть еще немного. Ты уверен, что это хорошо для тебя?»

У Мэтта всегда была плохая привычка откладывать важные разговоры до тех пор, пока они не вызовут проблемы, наиболее известная из которых - не рассказывать своей семье о своем раке до тех пор, пока он не возникнет, пока он не выпьет слишком много спиртного на собрании.

Все было бы не так плохо, если бы собрание, о котором идет речь, не состоялось в канун Рождества. Но это было. Понятно, что его заявление о раке немного омрачило атмосферу вечера, когда он открывал подарки. Для Мэтта это не было особенно приятным воспоминанием.

Тщательно подбирая слова, он сказал: «Хорошо, я понимаю. Я услышал тебя. И во-первых, вы всегда можете поднять подобные темы. То, что ты рядом, мне очень помогает, но я почти уверен, что весь этот опыт с Гайей меня не оставил...»

"Нормальным?"

"Да. Если ты думаешь, что я схожу с ума, скажи мне. Это актуально. Обещаю, что не буду злиться, если только не сойду с ума, в этом случае я не даю никаких обещаний».

Люси вздохнула с облегчением. Похоже, она тоже избегала говорить с ним о проблемах. Мэтт

мысленно отметил, что нужно еще немного поговорить с ней и убедиться, что она действительно высказала все свои опасения.

Мэтт изо всех сил старался подражать своему старому терапевту: «Похоже, ты думаешь, что я могу... стать зависимым?»

Люси кивнула. "Что-то вроде того. Или просто сойти с ума. Я не знаю."

"Понятно. Я понял, я подумаю. И я не собираюсь говорить, что у меня нет риска сойти с ума. Но я думаю, что самое главное, что делает меня одержимым, это не столько попытки вернуться туда или создание другой искусственной компании...»

«Мне не очень нравится слово «искусственной», — вмешалась Люси.

"

Хорошо. Я не буду использовать его снова. В любом случае, я думаю, проблема больше... в незнании. Мы были очень близки к тому, чтобы выяснить, что здесь произошло раньше, но потом все это просто прекратилось. И я хочу знать, что экземпляр системы забрал у меня. Я хочу знать, что потребовалось от этих людей, неправильно выполнивших свою работу. Мне нужно знать."

"И после этого?"

«Это другая цель. Нам предстоит большая работа, а подземелий низкого уровня рядом с нами не так уж и много. Мы говорим о попытке терраформировать всю эту планету, и нам нужно пройти три подземелья, чтобы купить дерево».

"И?"

«И теперь я сильнее. И в подземельях более высокого уровня, вероятно, есть добыча более высокого уровня. В конце концов система выяснит, как долго ей нужно копить энергию, чтобы бросить в нас что-то действительно мощное. Если мы не опередим это, он уничтожит меня. Я должен рисковать. Это был хороший отдых от всего этого, и мне было весело. Я думал, тебе нужен перерыв. Но пришло время снова стать серьезным».

«Так теперь ты собираешься просто пойти в подземелья высокого уровня? Просто так?"

«Не просто так. Будем работать постепенно. Но да, я думаю, нам придется это сделать».

Мэтт все время нервно следил за Люси. Обе ее маленькие ручки притворялись, что изо всех сил сжимают край постамента. Она так долго притворялась физическим существом, что он задавался вопросом, знает ли она вообще, что все еще притворяется. Она выглядела расстроенной, гримасничала и глубоко задумалась. Внезапно она вздохнула.

"Хорошо."

"Хорошо?" Мэтт хотел получить подтверждение.

«Да, все в порядке. Думаю, я, наверное, понимала это на каком-то уровне. Помните, когда мы впервые нашли тот бункер с едой? У вас был шанс просто остаться и отдохнуть в бункере. Но вы решили продолжать ходить в подземелья. В то время я думал, что у тебя есть причина покинуть безопасное место и рискнуть. Но, возможно, это просто в вашей природе — продолжать двигаться вперед. Может быть, поэтому ты реинкарнатор, — Люси сделала паузу и посмотрела на Мэтта. «Вы были правы, мне нужен отдых, и спасибо вам. Но... я не хочу видеть, как ты умрешь, Мэтт. И между возвращением системы и вашей смертью от голода это снова начинает казаться все более и более вероятным. Так что, если вы чувствуете, что должны рисковать, хорошо. Вперед.»

Мэтту потребовалось несколько секунд, чтобы переварить все, что сказала Люси, прежде чем он нашел ответ. Плохой. — Знаешь, мне это тоже не нравится. Но, возможно, это просто часть моей натуры».

Люси грустно улыбнулась: «Я знаю. Раньше я винил тебя в вещах, в которых ты не был виноват. Таковы обстоятельства, в которых мы находимся. Не волнуйся, я буду с тобой во всем».

У Мэтта появились слезы на глазах. Он действительно не любил резких разговоров, но для Люси было лучше рассказать ему о своих чувствах, чем держать все в секрете. Он был просто рад, что Люси не заметила, что он почти плачет.

"Прекрати это. Ты взрослый мужчина. Маленькая девочка не сможет заставить тебя так плакать.»

Мэтт провел рукавом по глазам. "Я не плачу. Это просто пыль».

Люси закатила глаза. "Конечно. Итак, мы делаем это?»

«Ага, давайте».

Мэтт ударил рукой по постаменту, снова телепортировав его и Люси в музей.

—

На этот раз все было нормально. Воспроизводилось то же видео, показывая тех же великолепных, счастливых людей и, наконец, доходя до той же кульминации, которая внезапно оборвалась раньше. Предвкушая очередную дикую поездку, он затаил дыхание.

«В этих стенах вы узнаете о нашем народе. О себе. Вы увидите, как мы жили и как мы живем».

Все идет нормально. Давай, маленькое видео.

«Вы увидите неудачи и триумфы нашего прошлого и узнаете о надеждах нашего народа. Прежде всего, вы узнаете об опасности, которая угрожает каждому аспекту нашей жизни: о бедствии. Постоянные посетители этих залов увидят здесь внезапные изменения наших программ. За те несколько коротких недель, что бедствие пронеслось по нашей земле, оно потребовало таких внезапных перемен.

Хотя все наши предыдущие экспонаты все еще доступны, мы призываем каждого мужчину,

женщину и ребенка, которые называют Гайю своим домом, посетить эти новые информационные центры и узнать об этой ужасной угрозе. Мы все должны внести свой вклад, чтобы противостоять этому, чтобы Гайя могла продолжать свое существование, сильная, единая и прекрасная. Наслаждайтесь!"

И вместе с этим все померкло. Но на этот раз не в черный цвет. Комната вокруг Мэтта и Люси растворилась в белизне, прежде чем внезапно начать преобразовываться. Внезапно они оказались на мощеной улице, возле красивого фонтана, на оживленной площади, окруженной красивыми зданиями. Каждое строение было построено в стиле, находящемся между классической греческой архитектурой и тем, что Мэтт считал старой английской архитектурой. Кирпичи и каменные колонны взаимодействовали таким образом, который, возможно, не работал бы в менее продуманных конструкциях, но здесь все казалось естественным.

Это было похоже на район самого богатого из богатых людей, и Мэтту нравился каждый его кусочек.

Откуда-то из ниоткуда голос снова начал говорить.

«Не все наши места проживания выглядят так. Некоторые больше полагаются на технологии, чтобы добиться успеха. Другие более сельские, а третьи нацелены на тех, кто любит более оживленные места с большим количеством людей для коммерции или образа жизни».

По мере того, как он перечислял эти варианты, город исчезал и вновь возникал в примерах каждой из упомянутых форм, прежде чем снова принять образ исходного места. Каждый был прекрасен.

«Черт возьми, о боже мой». Мэтт понял, что происходит.

"Что?"

"Ебена мать. Ебена мать!"

"Что?!"

Голос вернулся: «В каждом из этих зданий вы найдете рассказ о разных аспектах нашей истории или нашей жизни, прошлого, настоящего и будущего. Вы увидите наши надежды и наши позоры – не в книге, а такими, какими мы их видим, своими собственными глазами».

«Это музей живой истории!» — воскликнул Мэтт.

—

К сожалению, Люси НЕ могла осознать идею создания музея живой истории.

«Итак, потом вы подходите, и он такой: «Я городской сапожник!» Я шью самые разные вещи: от ботинок до башмаков и охотничьих шкур». А те, кто более заинтересован в этом деле, могут пройти процесс создания обуви с нуля».

«И это забавно?»

Люси все еще не понимала этого. Каким-то образом в ее общем хранилище данных о жизни

Мэтта на Земле не было этой конкретной части. Она могла представить себе и актерское мастерство, и музеи, но не могла заставить их работать вместе в своей голове. Мэтт пытался помочь ей понять на протяжении большей части пяти минут.

«О, тонна. Вы должны помнить, что в этом сценарии вам, может быть, восемь лет, и вы разговариваете с каким-то парнем, который действительно любит историю и который в целом, вероятно, любит свою работу, но который прямо тогда только что сказал: «А я шью обувь для светил, как Томас» . Джефферсон и Пол Ревир!» в сороковой раз за день, влажность 60%, и на нем полностью шерстяной костюм».

«Значит, самое интересное в том, что он временно это ненавидит?» — спросила Люси.

"Вроде! И ты сможешь сбивать масло.

«И ты все еще думаешь, что это весело? Будучи взрослым человеком?»

Они ходили туда-сюда около минуты. Мэтт отчаянно пытался объяснить Люси, почему этот скучный опыт на бумаге был самым удивительным из возможных, но она по своей природе не могла представить себе что-либо, подходящее под это описание, как развлечение. В конце концов они прекратили спор, поняв, что он может просто показать ей то, что казалось версией той же самой вещи, созданной с помощью магических технологий, и приступили к работе.

Насколько они могли судить, музей позволял посетителям посещать экспонаты в любом порядке, но явно был рассчитан на определенный порядок, прокладывая путь от далекого прошлого Гайи к ее настоящему и будущему. Поскольку подземелье, казалось, функционировало нормально, они решили рискнуть, провести день и осмотреть экспонаты в рекомендованном порядке. Это означало, что нужно начать с предыстории Гайи.

«Самые ранние времена наших предков были связаны не с сельским хозяйством, а с страданиями. Когда наши люди спускались с деревьев, они ели ту еду, которую могли найти. И, к сожалению, на первоначальных растениях было очень мало еды».

Только сейчас Мэтту пришло в голову, насколько сильно «охотник» и «охотник-сборитель» учитывали то, как изображались примитивные земные люди. Каждый рисунок или скульптура пещерного человека, который он когда-либо видел, был более чем просто подтянутыми, просто в целом усиленным в духе кроссфита и плотоядной диеты. Гайцы были другими.

«Они выглядят немного...» — спросила Люси.

«Оголодавшими? Ага. Для меня это тоже странно», — сказал Мэтт.

Видео перемещалось по нескольким биомам, показывая изображения ранних геянцев, добывающих пищу из различных источников, в которых ее, казалось, было не так много. Там были фруктовые деревья с мелкими неаппетитными плодами. Были стебли дикого зерна, которые они собирали, но эти стебли были редкими, и каждый давал лишь несколько зерен за работу. Мэтт был уверен, что здесь была какая-то редакционная работа, и направление этих правок было ясно. Это была эпоха Геи, когда «все было плохо».

«И было сделано одно открытие, которое изменило все для нашего народа и поставило нас на

тот путь, на котором мы находимся сегодня», — повторили в музее.

«Держись за задницу. Пришло время ОГНЯ, — сказал Мэтт своим лучшим тоном гида.

«Мэтт, ты слишком взволнован этим».

— Могу поспорить, что это будут кремний. Возможно, молния ударила в дерево. Я в соответствующем настроении».

«И это открытие заключалось в следующем...» — продолжил музей.

Сцена вокруг них растворилась, фокусируясь на единственном предмете, который, по мнению геянцев, изменил весь ход их истории.

Мэтт моргнул. "Дерьмо. Конечно, это она».

«Лопата. С помощью лопаты геянцы могли подготовить почву для семян, положив их туда, куда им хотелось. Ранние лопаты были деревянными и использовались кочевыми племенами, которые разгребали небольшие участки почвы, разбрасывали семена и возвращались туда, как только растениям давали достаточно времени для роста».

Лопата превратилась из примитивного совка в инструмент с каменным лезвием, а затем была окружена множеством различных инструментов. Косы. Мотыги. Грабли. Все, что вы могли бы пожелать, чтобы возделывать почву, все было представлено так, как будто это было величайшим прорывом за всю историю. И, Мэтт подумал, для геян они, вероятно, такими и были.

«Поскольку древесина заменялась более тяжелым и прочным камнем, все больше и больше типов почв могли возделываться все быстрее и быстрее. Это привело к оседанию кочевников, и семена нашей цивилизации были наконец посажены».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/96397/3369754>